

и двадцатый века»¹. Эти предостережения Ильина студенческая молодежь должна хорошо запомнить.

Раздел 4. ТЕМУ ТРУДА – В ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

К.П. Стожко, Д.К. Стожко

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА: ОТ «ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО» К «ЧЕЛОВЕКУ ОТВЕТСТВЕННОМУ»

Философское постижение хозяйства, всей экономической практики человека – задача глобальная. Но без такого философского осмысления феномена хозяйствования нельзя построить эффективную и общественно полезную экономическую систему. Последние двадцать пять лет либеральных экономических реформ убеждают в этом, как никогда. По большинству макроэкономических показателей российская экономика остается ниже уровня 1993 г. Поэтому философское и антропологическое осмысление современного этапа социально-экономического развития нашего общества актуально. По большому счету, мы находимся в начале новой исторической парадигмы, смысл и содержание которой еще предстоит осознать. Предварительно можно сказать, что суть этой парадигмы состоит в необходимости отказа от культа потребления, товарного и денежного фетишизма и вещизма и формировании ответственной личности – *homo responsibilities* и ответственного общества – *socio responsibilities*.

В целом, любые отрасли гуманитарной науки как науки о человеке всегда и во все времена занимались поиском некоей

---

¹ *Ильин И.А.* Кто мы? О революции. О революционном кризисе наших дней.. С.80.

теоретической модели, в которой можно было бы не только описать все объективно необходимые и субъективно наличные свойства личности, но и выстроить иерархию этих свойств. Будь то экономическая теория, социальная философия или философская антропология, политическая экономия или философия истории, такие их усилия всегда служили существенному продвижению научных знаний о человеке вперед и имели не только абстрактно-теоретическое, но и сугубо практическое значение. В этой связи можно вспомнить известные слова Л.И. Брежнева, произнесенные им на одном из партийных съездов: нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Экономическая наука – это наука *гуманитарная*, т.е. наука о человеке. Под натиском западноевропейской либеральной научной мысли многие сегодня об этом как-то подзабыли. Происходит почти тотальная ее дегуманизация и дегуманитаризация, с одной стороны, и инструментализация, профессионализация и индивидуализация, с другой стороны. Главная цель этих процессов – формирование «*homo economics*» – «экономического человека», т.е., выражаясь языком К. Юнга, такого «*архетипа личности*», который соответствовал бы основным признакам «рыночной экономики». А главная цель такой «дегуманизированной» и «технологизированной» экономики (экономики «индустриального» общества) состоит, как известно, в максимизации прибыли и минимизации затрат. Причем, любой ценой. В этом, собственно, если отбросить словесную шелуху, и заключается столь модная ныне идея конкурентоспособности.

Но вот почему-то, ни российская система образования, ни вся российская экономика с ее ресурсной, сырьевой ориентацией, никак не могут стать конкурентоспособными. Почему-то экономика, лишенная духовных оснований и нацеленная

исключительно на наживу, на обогащение, оказывается порочной в своей основе. Как точно подметил когда-то Г. Маркузе, она сама становится «одномерной» и человек в ней оказывается «одномерным»¹. Так может быть, пора вернуться к ценностным подлинно духовным, нравственным основам самой экономической теории, поразмышлять о том, туда ли идем, и скорректировать вектор социально-экономического развития нашей страны? Может быть, пора вспомнить слова С.Н. Булгакова о том, что «экономический материализм, в известной мере, непреодолим», что его «нельзя просто так отвергнуть или опровергнуть», а необходимо «внутренне превзойти»².

Апологеты рыночной экономики в качестве главного аргумента «за» приводят идею А. Смита о свободной конкуренции, которую направляет «невидимая рука божественного проведения». Но при этом забывается, что А. Смит рассуждал об английском пуританском обществе XVIII в., в котором огромную роль играли религиозные ценности: не убий, не укради и т.д. Нынешнее общество настолько развращено цивилизацией, культом потребления, товарным и денежным фетишизмом, что английский классик просто в гробу бы перевернулся, если бы узнал о том, как лихо и слепо некоторые экономисты переносят его теорию на современность.

Кроме того, апологетам рыночной экономики можно было бы напомнить и о том, что Великобритания создавала свою «рыночную экономику» на костях других народов, за счет колоний, уничтожая сипаев в Индии, расстреливая российских рабочих (Ленские прииски), вырезая народы Средней Азии и т.д. Аналогичным образом поступали Франция, Бельгия, другие ныне

---

¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. М.: «REFL-book», 1994. - 386с.

² Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: «Наука», 1990. С.7.

«индустриально развитые» страны, представители которых берутся сегодня учить всех демократии, эффективному хозяйству, морали. Те же США за годы двух мировых войн открыто и цинично набивали свои подвалы золотом, заключая контракты и с германской военной верхушкой, и со своими собственными, ничего не ведавшими, союзниками. Как говорится, «деньги не пахнут».

Поэтому сформулируем два предварительных вывода, необходимых для последующих рассуждений.

Во-первых, социально эффективной «рыночной экономики» нигде и никогда не было. Тем более в ее «чистом», «снятом» виде. Равно как не было никогда и полностью свободной, «совершенной» конкуренции. Все это – умозрительная утопия оторванных от жизни «экономистов», продукт их сугубо технократического мышления. Идеи создать некую «совершенную» экономическую реальность вне духовности и исключительно на основе прагматизма – это мифотворчество. Безусловно, прав был Н.А. Бердяев, когда утверждал, что «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни»¹. Вот только многие благополучно забыли об этом.

Во-вторых, рыночная экономика *капиталистического* типа – это *вчерашний* день, который ведет страну и общество в тупик. Прежде всего, потому, что она уродует человека. Она превращает его в гедониста и эгоиста, культивирует в нем алчность, стяжательство, карьеризм, разрушает его душу, делает, пользуясь терминологией М. Шелера, «нейтральной» человеческую духовность². Жить с такими «нейтралами», у которых атрофирована совесть, нет патриотизма, деградировала нравственность, очень неуютно. А смотреть печально: такие

---

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.С. 320.

² Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в современной западной философии. М., 1988. С. 37.

«люди гибнут за металл» (В. Гете), а их «жизнь пуста и проходит» (И.С. Тургенев).

Кстати, нынешняя попытка построения капиталистической рыночной экономики в нашей стране уже не первая. Как свидетельствует история, все предыдущие заканчивались плачевно. По большому историческому счету, и нынешняя попытка тоже обречена на провал. И провал этот уже очевиден, хотя о глубине его можно только догадываться.

Итак, модель «*homo economics*» оказалась несостоятельной. Потому что, благодаря культивированию такой модели за последние двадцать пять лет мы получили не рост, а падение практически всех экономических показателей. А в дополнение к этому – еще и колоссальную коррупцию, массовое социальное отчуждение, экономическое неравенство, криминализацию общества. «Пора собирать камни».

Важно иметь в виду и то, что модель «*homo economics*» – это модель западного человека. Она чужда нам ментально. А западный человек – просто другой, *он – не мы*. «Другой для него – соперник, конкурент, которого надо одолеть в борьбе. Общество для него – скрытый источник угрозы»¹.

Сторонники рыночной экономики полагают, что нас, россиян вполне можно сделать и «*homo economics*», и «западными людьми». Особенно в этом отношении усердствуют представители московских «институтов»: ГУ ВШЭ, Институт стратегического проектирования и проч. Но не надо отождествлять Россию и московское пространство в пределах Садового кольца. «Все надежды на то, что в России в результате «реформ» сформируется человек западного типа, «*homo*

---

¹ Лившиц Р.Л. Homo postsoveticus: упования и реальность // Мировоззрение и культура. Сб. ст. / под ред. В.В.Кима. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. 2002. С.111.

postsoveticus», не оправдались. Строптивая российская реальность не пожелала следовать грезам «реформаторов»¹.

Экономическая наука, однако, продолжает поиски новой модели человека, но в основном все еще в рамках прежней либерально-рыночной парадигмы. Отказываясь от прежних, традиционных для политической экономии прошлых десятилетий абстрактных понятий «совокупный человек», «совокупный работник», современная экономическая теория осваивает личностный уровень анализа. Но личностный уровень в рамках прежней индивидуалистической психологии и философии персонализма также ведет к мировоззренческим aberrациям. Это становится тем более очевидным, что подавляющая масса отечественных исследователей все еще ориентируется на зарубежные «изыски». Современная экономическая наука находится как бы между двух основных парадигм, одна из которых устарела, а вторая не оформлена категориально. Первая парадигма связана с моделью «*homo economics*», а вторая – с моделью «*personal economics*». При этом вторая парадигма – это лишь видоизмененная первая парадигма, или, как любил когда-то выражаться В.И. Ленин, «прививка оспы телеграфному столбу».

Эта видоизмененная традиционная неоклассическая экономическая модель – «*personal economics*» – конструируется на основе достижений философии неопозитивизма, экзистенциализма, персонализма, наработок современной феноменологии и герменевтики. Ни о какой диалектике тут уже речь не идет. Со ссылками на Д. Оллперта и его сторонников российские авторы называют «экономической личностью» тех, кто обладает «экономическими» и «социальными» свойствами². И

---

¹ Лившиц Р.Л. Homo postsoveticus: упования и реальность. С. 117.

² Попов А.Н., Попова Е.А. От «человека экономического» к «личности экономической» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2002. № 5. С. 12 – 19.

при этом – ни слова о том, какие свойства имеются в виду. Тем более, ни слова о духовности, морали, нравственности. Но, что «экономический человек», что «экономическая личность», а результат прежний. Суть его: экономическая рациональность, гедонизм, эгоцентризм, самая тривиальная алчность...

В связи с этим встает вопрос о том, каким видится человек XXI века. О цивилизации нового столетия существует достаточно много суждений. Так, Г.Х. Попов, называя ее *альтернативной* цивилизацией, заявляет, что это будет *интеллектуальная* цивилизация с присущей ей интеллектуальной экономикой. Но и здесь о главном – о *духовности* – ни слова. А ведь еще Т. Рузвельт когда-то говорил, что «воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, значит вырастить угрозу для общества»¹. Об этом никогда нельзя забывать. Тем более, когда в пример ставятся экономики Китая, Японии, других стран – «драконов» азиатско-тихоокеанского региона.

Заметим, что японская или китайская цивилизация и экономика потому и являются эффективными, что в их основе заложен свой собственный *духовный код*. В этих обществах культура и цивилизация не осуществили свой антагонистический «развод», они нашли возможности для синергетического существования, создали своеобразный симплекс (*микс*). Для японского общества такой специфический духовный код включает такие традиционные ценности, как культ семьи (*йэ*), уважение к старшим (*оябун*), социальная безопасность (*кайзен*), борьба с эгоизмом (*месси хоко*), служение ближнему (*сэйсин*), пунктуальность и ответственность (*канбан*), культ образования и

---

¹ Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2006. С. 826.

самообразования (*шодзика*), культ качества (*джидока*) и т.д. Об этом пишут М. Аока, А. Морита, Ф. Фукуяма и другие авторы¹.

Индустриальная западная экономика и индустриальное западное общество имеют совершенно иной «духовный» код, который содержит следующие «ценности»: 1) *стандартизация*, 2) *специализация*, 3) *синхронизация*, 4) *концентрация*, 5) *максимизация*, 6) *централизация*². Но этот код уже устарел, устарела и индустриальная модель хозяйства, ориентированная на экстенсивный рост потребления и дегуманизацию социальных отношений.

Попыткой искусственно продлить индустриальный век служит идея замены старого кода новым «духовным» кодом «4-*i*», включающим в себя 1) *инвестиции*, 2) *инновации*, 3) *инфраструктуру* и 4) *интеграцию*. Однако ничего подлинно духовного в этом осовремененном варианте прежнего *индустриального* кода нет. Потому и не спасает он страны и народы от кризиса. Не смотря на инновации, инвестиции, интеграцию с Евросоюзом, некогда благополучная экономика Кипра накрылась «медным тазом». Рухнула традиционная для индустриального общества вера в неприкосновенность и незаблемость частной собственности (например, банковских депозитов). Попытки модернизации российской экономики на основе этого эрзаца «4-*i*» также оказываются безуспешными: российская национальная экономика напоминает сегодня трио из известной басни – лебедя, рака и щуку.

Заимствования чуждых нашей истории, культуре, менталитету «ценностей» и установок вряд ли позволят российскому обществу обрести нужную метафизическую основу

---

¹ См.: Аока М. Фирма в японской экономике: Пер. с яп. СПб., 1995; Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: «Ермак», 2004; и др.

² См.: Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: «АСТ», 1999. С. 92 – 117.

для собственного хозяйственного развития. Потому-то и необходимо обратиться к историческому опыту, накопленному нашей культурой и цивилизацией. И здесь мы можем обнаружить свой собственный духовный код, который был выработан нашим народом на протяжении его долгой истории. Изучению этого кода посвятили свои работы многие российские ученые. Среди них: С.Н. Булгаков («*философия хозяйства*»), П.А. Кропоткин («*теория взаимной помощи*»), П.Б. Струве («*теория человеческой годности*»), М.И. Туган-Барановский («*социальная теория кооперации*»), И.А. Ильин («*духовное делание*»), С.Л. Франк (идея «*накопления сил добра*»), Н.О. Лосский («*теономная этика*»), П.А. Флоренский («*сизигия*»), В.С. Соловьев (тезис «*работы со смыслами*»), Л.Н. Толстой («*жизнь не по лжи*»).

Этими и многими другими российскими учеными был раскрыт и исследован *русский духовный код*, который включает в себя: 1) *соборность* (коллективизм), 2) *державность* (патриотизм), 3) *религиозность* (православие), 4) *традиционализм* (традиция), 4) *солидарность* (идею кооперации), 5) *терпимость* (смирение), 6) *трудолюбие* (служение) и 7) *правдоискательство*.

Объективную значимость этих принципов признают и многие западные философы. Обратимся для примера к *традиционализму* (традиции). Так, известный либерал, философ и экономист Ф. фон Хайек в своей знаменитой речи, произнесенной им в Гуверовском институте США в 1983 г., прямо заявил: «Основное содержание моей лекции – продемонстрировать, что рационализм может быть ошибочным и что традиционная мораль может обеспечить более верное руководство для человеческих действий, чем рациональное значение». И далее: «Человек никогда не был достаточно умным для того, чтобы сконструировать порядок, который обеспечивает

теперь миллиарды представителей его рода средствами существования, ни для того, чтобы понять, что он должен знать, чтобы сделать попытки такого конструирования успешными. Он оказался способным достигнуть этого вследствие покорности традиции»¹. Это – весьма символическое признание.

Поэтому стремление экономистов – либералов дискредитировать традиционные ценности, навязать обществу представления о традиции как о чем-то косном и даже реакционном, выглядят не просто сомнительно, но и являются антинаучными. Это относится и к современной либеральной трактовке других ценностей (принципов) русского духовного кода.

На самом же деле, приведенная выше система ценностей или, выражаясь языком А.С. Хомякова, *семирамида* нравственных принципов, представляет собой концентрированное выражение нашей российской духовности, которая формировалась, крепла и закалялась в процессе исторического развития нашего народа, нашего общества, нашей культуры и государственности. Именно этот духовный код, а не какие-то «заморские» «новинки» и должен стать в XXI веке идеологической основой государственной политики в области возрождения производительных сил России, главной из которых был, есть и остается сам человек.

Естественно, что этот духовный код российского общества не «стоит на месте», он развивается по мере изменений внешних и внутренних факторов, детерминирующих хозяйственную жизнь людей. Глобализация, информатизация, интеграция и многие другие процессы и явления требуют более четкой кодификации современного хозяйства. И здесь актуальными становятся такие

---

¹ Хайек Ф. фон. Происхождение и действие нашей морали // ЭКО. 1991. № 12. С.181 – 183.

ценности, как 1) *социальная ответственность*, 2) *социальная справедливость*, 3) *социальная безопасность*, 4) *социальное взаимодействие* между людьми. Комплекс этих ценностей обуславливает действие социальных законов *ответственности и солидарности*, о которых еще в XIX веке в Западной Европе писал Ф. Бастиа¹, а в России – М.И. Туган-Барановский².

В этой «связке» исходной (первичной) является именно *социальная ответственность*, которая и детерминирует остальные ценностные приоритеты. Яркие определения социальной ответственности давали разные мыслители. М.В. Ломоносов понимал ее как сохранение (сбережение) российского народа. А. де Сент-Экзюпери трактовал ее как ответственность за «братьев наших меньших», за «тех, кого мы приручили». Г. Йонас трактует ее следующим образом: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия не были разрушительными для будущей возможности жизни как таковой»³. Однако, при всем многообразии формулировок социальная ответственность представляет собой, по сути, определенное социальное отношение между людьми, характеризующееся обязанностью соблюдать определенные ценностные нормы и установки.

Вполне логично, что социальная ответственность, раскрывается через систему более конкретных принципов, выработанных человечеством за всю свою историю. Для религиозных людей такими принципами могут служить религиозные заповеди. История разработки и формулировки принципов социальной ответственности насчитывает

---

¹ См.: *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное: Пер.с фр. М.: «Эксмо», 2007. С. 383 – 405.

² См.: *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М.: «РОСПЭН», 1996; Он же. Социальные основы кооперации. М., 1989.

³ *Jonas H.* Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation / H. Jonas. – F.A.M.: Suhrkamp, 1984. P. 36.

тысячелетия. Яркой страницей этой истории служит лаконичная запись законов, которая появилась еще в VII в. до н.э. в Пятикнижии. Декалог или Десять заповедей отражают духовный код христианства. Однако, из шести миллиардов человек, населяющих планету, христиан чуть более одного миллиарда.

Поэтому необходимо осмыслить и такие фундаментальные принципы социальной ответственности, которые одинаково актуальны как для верующих, так и для атеистов. Духовная культура человечества сформулировала такие принципы. Среди них: 1) принцип «не навреди» (Гиппократ); 2) принцип «эквивалентного обмена» (Аристотель); 3) «золотое правило этики» (Кант); 4) идея «общественного договора» (Руссо); 5) тезис о «духовной доминанте» или «парящем духе» (Гегель), 6) принцип «сохранения и улучшения жизни» (Йонас), 7) идея «автотрофного существования» (Вернадский) и т.д.¹.

Эти принципы играют свою особую роль и в экономике. В силу превращения этих ценностей – принципов в *институты* – *нормы поведения* людей становятся излишними либеральные и консервативные модели экономики, которые отражают частные предпочтения тех или иных социальных сил. На их место приходит принципиально новая ценностная модель хозяйства – *экономический гуманизм*². Эта модель лишена крайностей либеральных или консервативных экономических конструкций: гедонизма или аскетизма, бездуховности или теофитства, фанатизма или анархизма, рационализма или альтруизма и т.д. Она представляет собой своеобразный *духовный оптимум*,

---

¹ См.: Культура социальной ответственности: Теория и практика / Под ред. К.П. Стожко. Екатеринбург, 2009. - 530 с.

² См.: *Стожко К.П.* Экономический гуманизм в России. Екатеринбург, 1995. - 402 с.; *Он же.* Принципы экономического гуманизма: опыт русской истории. Екатеринбург, 1996. - 380 с.; *Он же.* История русской экономической мысли. Екатеринбург, 2008. - 811 с.; *Леднев В.П., Стожко К.П.* Судьба России. В 3-х т. Екатеринбург, 2011.

который делает возможным (опосредует) и само экономическое равновесие, различные варианты которого тщетно пытались сформулировать без учета роли духовности многие ученые-экономисты (Н. Калдор, А. Парето, Р. Нэш и др.). Нам представляется, что именно *экономический гуманизм* – модель будущего хозяйственного устройства России. Именно эта модель вобрала в себя накопленные духовной культурой человечества фундаментальные принципы, скорректировала их с абсолютными ценностями человеческого бытия и транслировала их на хозяйственную практику. Поэтому актуализация, конкретизация и практическая реализация этой хозяйственной модели – *экономического гуманизма* – становится новой антропологической парадигмой хозяйственного развития в XXI веке.

Анализируя возрастающее значение ценностных оснований нашего духовного кода, служащих принципами экономического гуманизма, невольно сталкиваешься с вопросом об этнической самоидентификации. Россия – евразийская страна. Часто то, что справедливо для «восточного» общества, не актуально для «западного» общества. И наоборот. Поэтому необходим поиск тех «духовных скреп» (термин В.В. Путина), которые бы объединяли, а не разъединяли «многонациональный российский народ» (конституционное определение), всех россиян. Потому что, как когда-то точно подметил А. Мальро, «человек готов отстаивать ценой собственной жизни не то, что разъединяет его с другими людьми, а то, что его с ними объединяет».

Какие же фундаментальные мировоззренческие принципы могут объединить наше российское общество в XXI столетии? Для этого необходимо обратиться к исследованию уровней его, человека, социальной онтологии.

Уровни социальной онтологии могут быть определены такими пластами, как «Я-Я» (внутриличностный), «Я-Ты» (межличностный), «Я-Мы» (социально групповой), «Я-Все» (общественный), «Я-Природа» (экологический), «Я-Космос» (космический). Между этими уровнями социальной онтологии лежат пластичные промежутки. Как когда-то писал М. Бубер, ссылаясь на Ф. Ницше, «человек – нечто текучее и пластичное, из него можно сделать все что угодно»¹. Соответственно этому можно выделить *базовые* и *переходные* уровни социальной онтологии.

Наряду с *уровнями* социальной онтологии нельзя не отметить и различные *типы* мировоззрения, которые определяют конкретное содержание и понимание духовного кода конкретного социума-этноса. Сегодня различают *a) антропоцентризм* (антропологизм), *в) социоцентризм*, *с) теоцентризм*, *d) экоцентризм* (натурализм).

Соотнесем четыре основных типа мировоззрения по вертикали и шесть основных уровней социальной онтологии (пластов социального бытия человека) по горизонтали. В результате мы получаем определенное теоретико-методологическое пространство, которое может служить *теоретико-методологической матрицей* для социально – философской реконструкции духовного кода народа (этноса). Представляется наиболее продуктивным рассматривать новую антропологическую парадигму в контексте социально-экономического развития российского общества именно в рамках этой теоретико-методологической матрицы.

В этой матрице могут быть выявлены различные комбинации тех или иных ценностей, которые можно рассматривать как структурно-содержательные модальности

---

¹ Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем.: М.: «Республика». 1995. С. 185.

духовного кода социума (этноса), которые на каждом конкретном уровне социальной онтологии обладают своими конкретными признаками (характеристиками). Дальнейшее изучение формирования и развития сущности, структуры и содержания этого духовного кода представляет собой одну из наиболее интересных и перспективных задач целого ряда научных дисциплин. И, в первую очередь, социальной философии, философской антропологии, философии истории и политической экономии.

С.З. Гончаров

ТРУД И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Смена общественного строя в России породила острые проблемы и противоречия, успешное решение которых явно затягивается. Происходящие в стране реформы пока не связаны с качественным улучшением в основной сфере общества – в *труде*.

Абсолютность и самоценность труда

Труд, в его научном понимании, есть процесс, в котором человек своей деятельностью регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Труд есть целенаправленная деятельность для создания материальных и духовных благ, *вечное условие человеческой жизни, абсолютная необходимость для всех форм общества в истории.*

Труд, с одной стороны, созидает мир общественного богатства, а с другой, – социализирует человека, развивает его продуктивно-творческие силы, социальные чувства, возвышает горизонт сознания до понимания сверхиндивидуальных потребностей и целей коллектива, государства, страны в целом. Труд вместе с тем производит и *общественные отношения.*

Однако в современной России ценность *добросовестного созидательного труда* вытеснена из общественного сознания